Прое

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

„ВПЕРЕДЪ“

Іюль 1876 года

ИЗДАНІЕ
М. К. ЭЛПИДИНА

CAROUGE (GENÈVE)
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
1903

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
788
30

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

„Письмо въ редакцію Впередъ“ за подписью: „Члены народной Партіи“, принадлежитъ исторіи русскаго революціоннаго движенія: это одинъ изъ документовъ, характеризующихъ отношенія и настроенія двухъ главныхъ партій нашего революціоннаго прошлаго—„Бакунистовъ“ и „Впередовцевъ“, и въ качествѣ такого документа оно и печатается въ настоящее время, когда вмѣстѣ съ новымъ подъемомъ революціонной дѣятельности, пробуждается и особенный интересъ къ событіямъ ея прошлаго.

Письмо въ редакцію „ВПЕРЕДЪ“.

Іюль 1876 года.

Милостивый Государь,

Г-нъ Лавровъ!

На дняхъ прочли мы въ вашемъ журналѣ *некрологъ*, возвѣщавшій всему русскому революціонному люду о смерти глубоко-уважаемаго всѣми нами *великаго* революціоннаго дѣятеля, Михаила Александровича Бакунина. Еще раньше мы получили эту грустную вѣсть, глубоко взволновавшую насъ, прямо изъ Берна. Съ нетерпѣніемъ мы взяли въ руки „Впередъ,“ — мы ожидали найти въ немъ, горячую, страстную, могучую (какъ то чувство, которое клокотало въ нашемъ сердцѣ) надгробную рѣчь великому борцу, товарищу-учителю нашему, сказанную нашимъ именемъ, именемъ благодарной, горячо любящей память его русской революціонной молодежи!... Къ своему прискорбію и удивленію мы едва нашли въ отдѣлѣ „Что дѣлается на родинѣ“ только краткую замѣтку: „Смерть М. А. Бакунина,“

которую скорѣе можно назвать пасквилемъ, чѣмъ некрологомъ нашему Михаилу Александровичу Бакунину. Коротенькая, бѣдная, неискренняя и пошленькая—къ стыду революціоннаго органа—замѣтка, вдобавокъ, наполнена темными намеками и недомолвками, очевидно бросающими неблаговидную тѣнь на твое великое имя, на твои могучіе подвиги,— вотъ *все*, чѣмъ почтила твою память надъ твоимъ гробомъ, Михаилъ Александровичъ, русская революціонная молодежь устами Г-на Лаврова, называющаго себя представителемъ ея!... Благодаримъ васъ, Г-нъ Лавровъ!—Вы постарались отъ имени нашей партіи отдать полную справедливость и благодарность дорогому для насъ имени. Ваша теплая, пламенная, надгробная рѣчь и достойный некрологъ поражаютъ насъ своей возвышенностью и искренностью... Вы правы:—не сверкнутъ болѣе глаза покойника, не загремитъ его могучее слово въ защиту своей дѣятельности и чести своихъ друзей; не подымутся на защиту его (и своего) имени и друзья покойнаго—одни изъ нихъ стоятъ лицемъ къ лицу съ ужаснымъ врагомъ, другіе уже похоронены заживо...

Такую вопіющую несправедливость можно

объяснить только—стыдно подумать—тупой злобой, враждой, незнающей границъ даже въ томъ мірѣ, гдѣ ея вовсе не полагается. И это дѣлаетъ общественный дѣятель, считающій себя представителемъ людей, которые идутъ на смерть за великое дѣло любви и братства!

Обратимся же, Г-нъ редакторъ (русскаго соціально-революціоннаго органа) къ вашей нагробной рѣчи—некрологу, посвященному памяти Михаила Александровича:—„Личность „въ высшей степени даровитая, имѣвшая „чарующее дѣйствіе на большинство лицъ, „съ которыми онъ сближался, М. А. Бакунинъ „игралъ всегда первую роль во всякомъ дви„женіи, въ которомъ участвовалъ. Личность „въ высшей степени увлекающаяся и увле„кающая другихъ, онъ слишкомъ часто былъ „окруженъ недостойными и компрометиро„вавшими его своею близостью людьми“ (темно...)

„Личность въ высшей степени увлекающая и *увлекающаяся*, слишкомъ часто *окруженная недостойными, компрометировавшими его людьми*,“ играетъ всегда „первую роль“ во „*всякомъ*“ движеніи, въ которомъ участвовалъ. Дѣйствительно движенія бываютъ разныя—

„всякія“; и великія народно-революціонныя и другія — реакціонныя, звѣрскія движенія, подавляющія все живое и лучшее въ странѣ. Понятно — „увлекающаяся личность“, окруженная толпой „недостойныхъ“ друзей, — онъ, Мих. Алекс. Бакунинъ, участвовалъ „во всякихъ“, надо полагать, въ движеніяхъ 1-го и 2-го рода и, вѣроятно, чаще во 2-хъ реакціонныхъ, дурныхъ; вѣдь съ дурными друзьями на хорошее дѣло, какъ говорятъ, не наткнешься!...

Или этимъ вы хотѣли сказать, что во всѣхъ (но не во „всякомъ“) европейскихъ, *народныхъ*, *революціонныхъ* движеніяхъ нашъ Михаилъ Александровичъ всегда былъ зачинщикомъ, душою, а то и народнымъ вождемъ; конечно, если только не былъ закованъ въ цѣпи и замурованъ въ одной изъ ужасныхъ, россійскихъ и нѣмецкихъ тюремъ, гдѣ онъ *просидѣлъ*, какъ говорятъ, въ суммѣ *около 12 лѣтъ!* (Преклонитесь же, Г-нъ Лавровъ!)

Читаемъ дальше: „Онъ не разъ *мѣнялъ* „*свои программы* и свое *направленіе*, *пытаясь* „придать первымъ болѣе ширины, а послѣд„нимъ болѣе *цѣлесообразности* и каждый разъ „предавался вполнѣ той программѣ и тому „направленію, къ которому онъ принадлежалъ

„*въ данную минуту*. (Темно и нечисто!). Изъ „поклоника, разумности всего существующаго „въ концѣ 30-хъ (?) годовъ, онъ сталъ са„мымъ лѣвымъ гегельянцемъ лѣвой стороны „гегелизма вначалѣ 40-хъ, политическимъ „революціонеромъ въ 48 г.; соціальнымъ ре„волюціонеромъ въ половинѣ шестидесятыхъ". — (Ну, а въ 70, въ 73-мъ?...—снова умалчиваете, какъ выше умолчали о 12 лѣтнемъ заточеніи Бакунина...)—Читая первыя строки: „мѣнялъ свои *программы* и *направленія*"... „вполнѣ предавался *программѣ* и *направленію*, къ которому принадлежалъ въ *данную минуту*",—подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ въ головѣ Михаила Александровича, какъ говорится, мыши въ чихарду играли...—Во всякомъ случаѣ, настоящей правды изъ этой цитаты мы не вынесемъ. Отъ Г-на Лаврова мы не узнаемъ, что Михаилъ Александровичъ былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ, энергическихъ и стойкихъ народныхъ дѣятелей, какъ Европы, такъ и Россіи,—дѣятелей, *двигавшихъ свой внѣ своею сильною рукою* впродолженіи почти 4-хъ десятковъ лѣтъ!... Сколько *сильнаго*, свѣтлаго, гибкаго ума, сколько воли и могучей энергіи нужно было имѣть этому человѣку... нужно было всегда широко и ясно

понимать дѣйствительность, нужно было сильно прогрессировать въ собственномъ умственномъ мірѣ, чтобы *всегда стоять впереди всего живого и разумнаго и вести три поколѣнія*, у которыхъ были свои живыя идеи, и ближайшія общественныя цѣли, и своя историческая обстановка, и свои умственныя и нравственныя силы!—Не *„мѣнялъ“* онъ своихъ *„программъ“* и *„направленій“*, но жилъ активной, дѣйствительной жизнью, въ которой всегда стоялъ народнымъ бойцомъ, и въ которой постоянно, послѣдовательно выработывалъ, развивалъ и усовершенствовалъ ихъ, на ряду съ лучшими людьми своего вѣка.*) Не „мѣнялъ“ онъ своего *„направленія“*, оно всегда было одно—правдивое, честное и глубоко-революціонное; оно-то, это направленіе, и влекло его въ самый огонь борьбы за народное благо, за свободу... и, *гдѣ-бы ни поднялась буря народнаго взрыва*, тамъ уже развивалось знамя *Бакунина* (всегда самое передовое знамя своего вѣка!)—высоко поднятое его сильной рукой!

---

*) Не ставьте его на одну доску съ такими людьми, которымъ, случалось, покойникъ, глядя въ глаза, прямо говорилъ: «Ну, у васъ теперь три программы, скажите же—въ которую изъ нихъ вы вѣрите сами?!...»

Пойдемте же дальше:—„Я не буду гово-„рить о его дѣятельности въ Интернаціоналѣ „за послѣдніе годы: она хорошо памятна и „друзьямъ и врагамъ его (и исторіи, Г-нъ „Лавровъ, и всему міру); *позволяю себѣ надѣ-„яться*, что онъ и тутъ съ обычной страст-„ностью своей натуры стремился къ тому, „что ему казалось лучшимъ." *) —Не всегда вы такъ скромны, Г-нъ Лавровъ!.. Но „надѣйтесь"...—а мы, русская молодежь, убѣждены въ этомъ, искренно вѣримъ этому!... „*Не бу-„ду говорить и о его участіи въ революціонномъ „движеніи русской молодежи* (не говорите этого, „Г-нъ Лавровъ!... **) послѣднихъ годовъ: посто-„янно непріязненныя отношенія Михаила Але-„ксандровича къ „Впередъ!" и къ его программѣ „дѣлаютъ это неудобнымъ (вотъ такъ „*при-*

---

*) «*Позволю себѣ надѣяться*»... «*что всегда стремился къ лучшему*»! Неужели тутъ возможно сомнѣніе, Г-нъ Лавровъ? — Вы хотите удивить потомство чудовищностью вашего безпристрастія?... Вѣдь сомнѣваться въ искренности Бакунина — то-же, что сомнѣваться въ храбрости Гарибальди, въ знаніи математики Ньютона и т. д.

**) Мы же признаемся—поучились многому изъ совѣтовъ нашего Михаила Александровича, изъ его громаднаго, практическаго опыта боевой жизни и рѣчей, которыми покойный, еще такъ недавно, потрясалъ, приводилъ въ ужасъ «буржуазную» Европу.

„чина“!) *на страницахъ нашего журнала въ „настоящую минуту* (о, какое значеніе людей „и времени!...) *Позволяю себѣ думать*, что *и „тутъ несчастный выборъ близкихъ людей* въ „значительной степени вліялъ на его суждe„нія“.

Вы „позволяете себѣ думать“, что „въ послѣднемъ движеніи русской молодежи“ „несчастный выборъ близкихъ людей“... „въ значительной степени вліялъ“ и т. д. и т. д... Хорошо-съ, Г-нъ Лавровъ! — Но въ этомъ случаѣ, вы „позволяете себѣ“ „на страницахъ вашего журнала“—*слишкомъ* большое излишество и неосторожность! — Мы удивляемся, какъ это ваши товарищи по редакціи немогли васъ благоразумно удержать отъ такого излишества — особенно въ „*настоящую минуту*“,— грозную и рѣшительную минуту для нашей родины и нашей партіи... Вы здѣсь задѣваете за живо цѣлую половину русской революціонной партіи (народной — не якобинской!), вы оскорбляете ее (и въ „настоящую минуту“!) въ лицѣ лучшихъ ея членовъ, въ лицѣ нашихъ товарищей, въ лицѣ людей, погребенныхъ въ россійскихъ и всероссійскихъ тюрьмахъ! — Осмѣливаемся мы это вамъ замѣтить! — Замѣтимъ еще — вы говорите Михаилъ Александро-

вичъ (даже по вашему выраженію *„одна изъ самыхъ крупныхъ силъ революціоннаго дѣла“*) подчинялся „вліянію недостойныхъ людей“..; но, обыкновенно, бываетъ наоборотъ; люди слабые, безличные, ничего не выражающіе собою—*„недостойные“*—не могутъ подчинять своему вліянію людей сильныхъ, могучихъ, геніальныхъ, а сами идутъ за ними, подчиняются ихъ вліянію и, тѣмъ самымъ, очень много выигрываютъ. Да и самъ авторъ некролога, какъ всѣмъ извѣстно, еще такъ недавно, подчинился вліянію порядочныхъ людей и, „позволяемъ себѣ надѣяться“, измѣнился къ лучшему (хотя „позволяемъ себѣ думать“, остается еще многаго желать!):

Простой цвѣточекъ дикій,
Нечаянно попалъ въ пучекъ съ гвоздикой.
И что же? отъ него душистымъ сталъ и самъ!
Хорошее знакомство въ прибыль намъ...

Позволяемъ себѣ усумниться и въ томъ, что окружавшіе Михаила Александровича, были людьми *„недостойными“*, несчастный *выборъ которыхъ* въ значительной степени *вліялъ* на его сужденія *). Стоитъ только

*) «Позволяемъ себѣ надѣяться», что вліялъ не «выборъ», но *выбранные имъ люди имѣли вліяніе.*

припомнить, что въ числѣ ихъ были вначалѣ: Прудонъ, Мадзини, Кошутъ, Герценъ, Огаревъ, Грановскій и пр.; въ позднѣйшее время: Коста, Варленъ, Сэнъ, Гильомъ и вообще всѣ послѣдніе замѣтные дѣятели—интернаціоналы Испаніи, Италіи и Франціи... Потебня, Сѣрно-Соловьевичъ, большинство русскихъ эмигрантовъ и позднѣйшихъ дѣятелей въ Россіи и, наконецъ, юная еще русская и итальянская молодежь,—все это было солью всѣхъ революціонныхъ движеній Россіи и Европы.

И такъ, Г-нъ Лавровъ, въ вашей *замѣткѣ-некрологѣ* мы нашли только: „Я не буду говорить о дѣятельности“, „не буду говорить о его участіи въ революціонномъ движеніи“, „считаю неудобнымъ, въ настоящую минуту“, „позволяемъ себѣ думать“, „несчастный выборъ“—(„благодарю не ожидалъ“!) и пр., — самые темные намеки и самымъ недостойнымъ образомъ высказанные!

Послѣ этихъ ехидныхъ виляній „около — да вокругъ“ честнаго и славнаго имени, только что сошедшаго въ могилу революціоннаго дѣятеля, послѣ этой недостойной клеветы на нашихъ друзей, которые были и пріятелями Бакунина,—вамъ, милостивый государь, остается одно: „не объявлять себя болѣе пред-

ставителемъ и выразителемъ мнѣній“ русской (народной) революціонно-соціальной партіи.

Раньше вы „позволяли себѣ думать“, теперь мы „позволимъ себѣ думать“—и думаемъ мы вотъ что:

— во 1-хъ, вы *оскорбительно*, недостойно и несправедливо отнеслись къ *памяти* великаго революціоннаго *дѣятеля*, „пытаясь“ запятнать его имя... но *заклеймили*, запятнали черною неблагодарностью къ великимъ заслугамъ покойнаго дѣятеля и себя, Г-нъ Лавровъ, и насъ—русскую, революціонную партію;

— во 2-хъ, пытались лишить исторію соціально-революціоннаго движенія великаго историческаго имени, которымъ наша партія будетъ гордиться;—*примѣра* для грядущихъ поколѣній, примѣра славнаго, гдѣ человѣкъ до конца своей жизни и до послѣдней капли крови былъ преданъ народному дѣлу...

Съ корыстью житейской не знался...
Неправдой—не жилъ, бѣдняка не давилъ...
Свободу—какъ мать дорогую любилъ
И во имя ее—всю жизнь подвизался!...

— въ 3-хъ, изъ постыдной личной вражды, изъ мелкаго честолюбія вы не преклонились передъ великой тѣнью покойника и именемъ

его неподняли агитацію, какъ это съумѣла сдѣлать самая юная и неопытная молодежь русская по поводу смерти и похоронъ своего товарища Чернышева *); не воспользовались броженіемъ умовъ, вызваннымъ этимъ грустнымъ, для всего живого, фактомъ для общеевропейской агитаціи, которую необходимо было перенести въ Россію, гдѣ въ настоящую минуту, начался „Шемякинъ судъ“ и суровая расправа. — Это капитальная, стратегическая ошибка!...

— въ 4-хъ, вы поселяете непріязь и антагонизмъ между двумя отдѣлами нашей народной партіи, говоря, что Бакунинъ былъ окруженъ „недостойными людьми“, относясь

*) Русско-нѣмецкая тиранія убила Чернышева въ 1½ года суроваго заточенія,—сильная натура Бакунина вынесла 10-12 лѣтъ безчеловѣчнаго заточенія, но результатомъ заточенія была та самая болѣзнь, которая преждевременно и его свела въ могилу! *Надъ гробомъ жертвы* вѣковой тиранiи, какъ естественно было бы видѣть васъ, такъ сказать, представителемъ революціонной партіи, горячимъ словомъ *возбуждающаго* молодыхъ борцовъ *къ мести* за все былое и за смерть такого великаго мученика за народное дѣло! И какъ сильно повліяла бы такая благородная рѣчь на нее, на молодежь, которая сама находится теперь въ когтяхъ разсвирѣпѣвшей власти!—Но, увы, вмѣсто того, чтобы излить *всю злобу* на звѣрскую тиранію, вы напротивъ, *изливаете на жертву ея*!! Поражающая нравственная аномалія!

съ крайнимъ неуваженіемъ къ памяти покойника, вы смѣшиваете съ грязью нашихъ товарищей, которые были и друзьями и учениками его!... И это вы дѣлаете не въ частной бесѣдѣ; нѣтъ, а публично—на страницахъ революціоннаго органа. Мало этого—это вы дѣлаете въ ту „настоящую минуту“, когда со всѣхъ сторонъ Россіи только и слышится: „настало рѣшительное время“, „забудемъ старые споры“, „съорганизуемся въ одну сильную народную партію“! — Это уже напоминаетъ измѣну интересамъ революціоннаго дѣла...— Подавайте въ отставку, Г-нъ Лавровъ!

Безъ всякаго сомнѣнія всѣ нерусскіе друзья Михаила Александровича съумѣютъ отвѣтить на ваши возмутительные намеки и недомолвки, оскорбительныя, какъ для имени покойника, такъ и для ихъ чести. Мы же, русскіе революціонеры, дѣйствующіе въ настоящее время и судящіеся, считаемъ своей обязанностью протестовать печатно противъ поруганія такого дорогого для насъ имени и высказать вамъ, Г-нъ Лавровъ, свое глубокое негодованіе!... Подавайте же въ отставку, Г-нъ Лавровъ!

Члены Народной Партіи.

БИБЛИОТЕКА